

РОССИЯ -2020: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ

Дмитриев М.Э.

В статье на основе анализа факторов, оказывающих влияние на развитие России в долгосрочной перспективе, а также межстрановых сравнений, рассматриваются важнейшие направления решения проблем социально-экономического развития нашей страны.

Сможет ли наша страна развиваться такими темпами не только в этом году, на будущий год, через три года, а через пятнадцать-двадцать лет? Такие вопросы сейчас задают многие. В связи с подготовкой к президентским выборам в стране появилось довольно много разных версий, программ, сценариев долгосрочного развития страны. Наш центр – Центр стратегических разработок этим занимается постоянно, и у нас есть и свои сценарии, и сценарии, которые готовит Министерство экономического развития и торговли (МЭРТ), и которые мы тоже пытаемся оценивать. В данной статье с помощью этих сценариев попытаемся выяснить, есть ли все-таки у России шансы вырваться в категорию стран, более развитых.

На протяжении последних 200 лет Россия всегда в своем уровне развития колебалась около мировой средней. И какие бы попытки форсированного развития ни предпринимались, от Петра Первого до Сергея Витте и от первых пятилеток до «ускорения» времен Горбачева, эти попытки не выводили нас из наезженной колеи. Но те сценарии, которые подготовлены сегодня, позволяют надеяться на то, что при благоприятном стечении обстоятельств у нас действительно есть шансы из этой колеи выбраться.

О чем говорят расчеты? В большинстве сценариев темпы роста замедляются, но в самом оптимистичном сценарии, который МЭРТ любит называть инновационным, до 2020 г. в России сохраняются практически такие же темпы роста, как и сейчас. И если высокие темпы роста у нас действительно сохранятся, то к 2020 г. мы станем постиндустриальной страной и войдем в число стран с населением, которое будет к тому времени составлять порядка 2 миллиардов человек, и входить в 20% самых развитых экономик мира. Таким образом, мы будем уже не средней по развитию страной, а страной, существенно опережающей средний уровень развития.

В частности, **доля занятых в секторе услуг должна составить не менее 70%**. На самом деле, к этому показателю Россия приближается уже сейчас. Но проблема состоит в том, что 70% нашей занятости в секторе услуг – это не постиндустриальная занятость, а занятость в низкопроизводительных традиционных секторах услуг. В частности, ¼ населения занята в секторах бюджетной сферы, где у нас производительность чудовищно низкая по сравнению со стандартами постиндустриальных экономик. В то же время те виды деятельности, которые реально называются постиндустриальными услугами (прежде всего, это сектор постиндустриальных бизнес-услуг, финансовый сектор, информационные услуги, медийный сектор, сфера юридических, консалтинговых, финансовых, дизайнерских, архитектурных и прочих услуг), у нас недоразвиты. Уровень развития современных стран определяется тем, насколько развиты именно эти постиндустриальные сектора услуг, которые у нас, к сожалению, пока находятся в атрофированном состоянии. Развитие к 2020 г. дает шанс продвигнуться в этом направлении.

Становление среднего класса. В принципе, оптимистический сценарий говорит о том, что **доля населения, близкого по уровню жизни к западноевропейскому среднему классу, у нас может приблизиться к 50%** в благополучном сценарии. Эти расчеты делались довольно тщательно, мы формировали потребительскую корзину среднего класса по параметрам Португалии и Испании, основываясь на шкале, разработанной для США, и эти результаты являются не предположением экспертов, а достаточно аккуратными расчетами под сценарий с самыми быстрыми темпами экономического роста.

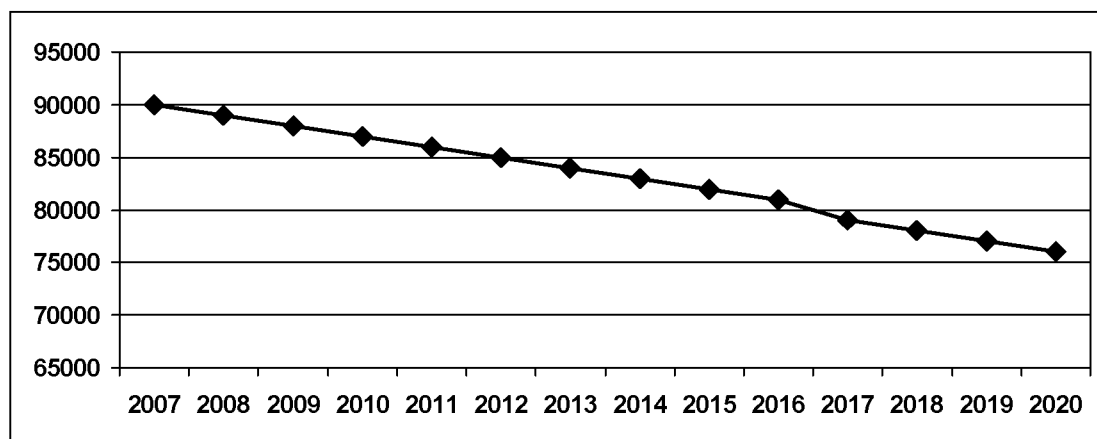
Россия имеет шанс к этому времени оказаться одной из самых образованных стран в мире. С учетом нынешних тенденций быстрого расширения численности людей, получающих высшее образование, мы, скорее всего, **будем иметь больше половины населения с высшим образованием**. Таких стран в мире будет не так уж много.

Вопросы развития институтов. Сможем ли мы, помимо количественных параметров, добиться того, что наше общество будет выглядеть как развитое постиндустриальное общество, будет ли оно выглядеть развитым только в рублях, или в качественном отношении? В чем все-таки в России будет разница между благоприятными и неблагоприятными сценариями с точки зрения развития институтов? Один сценарий – когда Россия к 2020 г. становится уже почти развитой постиндустриальной страной с ВВП на душу населения больше 20 тыс. долларов на человека, развитым средним классом и т.д. Или что будет, если мы развиваемся по инерции, ничего не меняем в нашей стране, тогда темпы роста затухают и развитой страной Россия к концу следующего десятилетия не становится. Наш вопрос – в чем разница между этими двумя сценариями, какие факторы могут привести к тому или иному результату? Не обсуждая здесь широкий список долгосрочных угроз и рисков, которых существует очень много, остановимся только на трех долгосрочных проблемах, которые действительно могут серьезно помешать развитию или даже его остановить. Во-первых, это проблема человеческих ресурсов. Во-вторых, это проблема интеграции нашей страны в мировую экономику, остро встающая в связи с тем, что откладывается даже такая элементарная вещь, как присоединение нашей страны к ВТО, что сделали уже практически все крупные страны мира. И третья проблема – это состояние наших институтов, по сути дела, качественный уровень развития нашего общества.

Первые две проблемы, при все том, что они масштабны и очень значимы для России, на самом деле являются частностями по отношению к последней проблеме – проблеме качественного состояния российского общества, состояния институтов и проблеме того, позволят ли наши институты, которые существуют сегодня, стать России развитой страной в 2020 г.

Начнем все-таки с «частностей». Первый вопрос – вопрос человеческого потенциала уже неоднократно обсуждался. Реально мы сталкиваемся с ситуацией, когда у нас почти на 1 млн. человек в год снижается численность трудоспособного населения все последующие тринадцать лет до 2020 г. Мы теряем почти 15 млн. человек (рис. 1).

В мире нет ни одного прецедента, чтобы длительное время такими темпами развивалась страна, у которой доля трудоспособного населения снижается ежегодно на 1%. Даже если подходить к вопросу чисто арифметически, то при росте производительности труда на 7% в год ВВП в расчете на душу населения будет расти примерно на 1% медленнее, то есть 6% в год. Поэтому никто не может гарантировать, что если мы эту проблему как-то не решим, то мы действительно сможем развиваться по наилучшему из рассмотренных сценариев и достичь тех целей, о которых было сказано в самом начале.

Источник : Данные Росстата

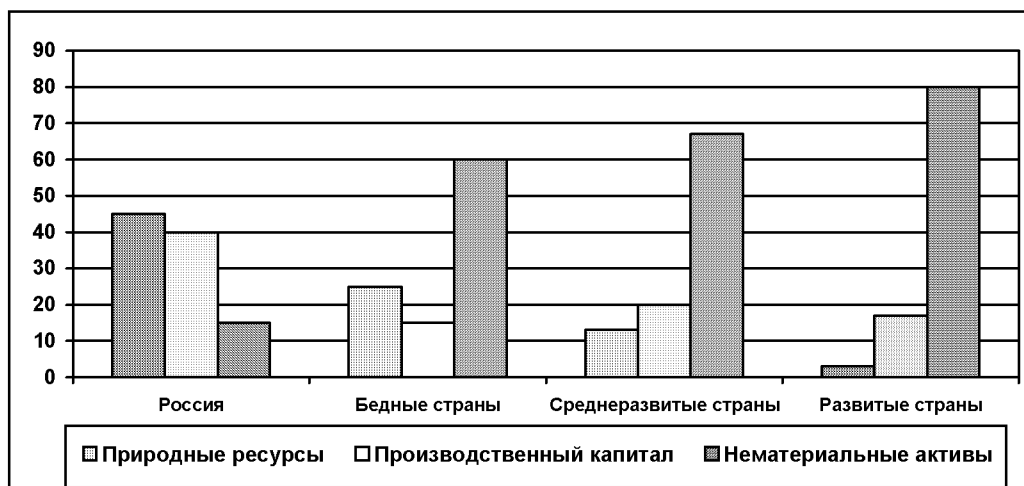
Рис. 1. Динамика численности трудоспособного населения России, млн. чел.

Если мы посмотрим на то, чем может помочь демографическая политика, то вклад демографической и миграционной политики в замедление снижения численности трудоспособного населения составляет меньше половины от необходимого. В лучшем случае мы можем таким способом снизить темпы сокращения рабочей силы на 40% вместо 100%, которые нам необходимы, чтобы предложение на рынке труда не уменьшалось. То, что говорится о росте рождаемости, в принципе, на данный период бесполезно, потому что дети, которые рождаются сейчас, достигнут трудоспособного возраста и выйдут на рынок труда лишь после 2025 г. Т.е. в период до 2020 г. повышение рождаемости не решает задачу стабилизации численности занятых, а лишь создает дополнительные трудности, поскольку в связи с необходимостью ухода за ребенком родители снижают активность на рынке труда.

Мы оценили также резервы снижения смертности. Даже если в направлении снижения смертности будет сделан максимум возможного, это уменьшит падение численности трудоспособного населения не более чем на 2,3 млн. чел. Но для компенсации естественной убыли трудоспособного населения есть и другие возможности.

На рис. 2 показан вклад разных типов ресурсов в создание общественного богатства в группах стран с различным уровнем развития. В бедных странах, как правило, высок вклад природных ресурсов – земли и природных богатств, но относительно низок вклад человеческого потенциала, он находится на уровне около 50 – 60%. В среднеразвитых странах вклад природных ресурсов снижается, вклад человеческого потенциала возрастает, а в развитых странах он достигает уже 80%. Если мы посмотрим на Россию, то увидим, что вклад человеческого потенциала в создание общественного богатства составляет порядка 15%, это ниже, чем в беднейших странах мира. Такого нет даже в большинстве сырьевых стран. Если сравнить Россию с Норвегией, то можно обнаружить, что при всем том, что сырье там тоже вносит значительный вклад в создание общественного богатства, однако 70% этого богатства создается человеческим потенциалом, в России – всего 15%.

На рис. 2 приведены результаты расчетов по методике определения вклада различных ресурсов в создание ВВП, приведенной в докладе Всемирного банка, опубликованном в 2006 г.

Источник: Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21 st century, The World Bank, Washington DC, 2006

Рис. 2. Вклад человеческого потенциала в экономическое развитие, %

В данном случае суммировался ВВП на период амортизации капитала, примерно на 15 – 20 лет, и прямым счетом вычислялось, какой вклад в прирост добавленной стоимости вносят природные ресурсы и какой вклад вносит физический капитал.

А вот весь остаточный вклад приходился на нематериальные активы. То есть, в отличие от двух других факторов, нематериальные активы в этой модели определялись не прямым счетом, а по остаточному принципу. Оценить их вклад прямым счетом очень трудно, поэтому, грубо говоря, все, что осталось, относилось на счет нематериальных активов. В России этот остаток оказался мизерным.

Если бы мы повысили вклад нашего человеческого потенциала в развитие хотя бы до уровня среднеразвитых стран, не говоря уже о развитых, то это фактически составляет разницу между пессимистическим и оптимистическим сценариями развития до 2020 г. Одно это позволит повысить среднегодовые темпы роста на 3-4%. Посмотрим по компонентам, как мы можем в ближайшее время добиться повышения вклада человеческого потенциала. Мы взяли только самые простые решения, их на самом деле гораздо больше. Проиллюстрируем это всего на трех примерах. Мы оценили показатели занятости инвалидов, занятости в бюджетном секторе России и возможности повышения территориальной мобильности рабочей силы.

Если мы посмотрим на численность инвалидов в России, то она в процентах от общей численности населения у нас практически такая же, как в развитых странах мира. Но занятость среди инвалидов у нас в три раза ниже, чем в странах постиндустриального развития. Если к тому времени, как Россия станет постиндустриальной страной, мы повысим занятость инвалидов хотя бы в три раза, как это соответствует среднему уровню для постиндустриальных стран, то это дает 3,6 млн. рабочих рук. Еще 3 млн. рабочих рук дает сокращение занятости в бюджетной сфере на непроизводительных областях, без ущерба для развития социальных услуг в этой сфере. У нас сейчас численность занятых в бюджетной сфере в удельном весе на 5 процентных пунктов превышает уровень численности в Великобритании, не самой последней стране по численности занятых в социальной бюджетной сфере. Нам хотя бы снизиться до уровня Великобритании, повысив производительность, уровень финансирования и заработной

платы. Наконец, устранение барьеров на рынке жилья позволяет повысить межрегиональную мобильность рабочей силы и облегчить трудовую миграцию из хронически депрессивных регионов туда, где не хватает рабочих рук. Это дополнительно дает еще около 2 млн. занятых. К этому можно добавить, что у нас на 40% предприятий промышленности производительность составляет лишь 1/5 от уровня наиболее развитых стран, и достаточно простые меры по их реструктуризации позволяют высвободить и перенаправить на более производительные и высокооплачиваемые рабочие места миллионы людей.

Главный вызов состоит не в снижении численности трудоспособного населения, а в неспособности России использовать свой человеческий потенциал в целях развития.

Все эти решения не могут быть реализованы по мановению волшебной палочки. Любая такая мера требует институциональных реформ, а вот с этим у нас серьезные проблемы.

Но прежде чем перейти к проблемам институционального развития, хотелось бы остановиться на проблемах интеграции в мировую экономику. Практически все страны ЕвразЭС, согласно гравитационной модели, недостаточно активно торгуют друг с другом, т.е. у них еще есть большой потенциал торговли. Но если мы посмотрим на Россию, то она, наоборот, переторговывает. Если мы определим внешний экономический товарооборот России в процентах от ВВП, то российская экономика выглядит как открытая и интегрированная в мировую экономику. Но это лишь видимость красивого результата. Высокий уровень нашей торговли обусловлен, в основном, экспортом энергоносителей, и проблема в том, что, за исключением энергоносителей, мы практически больше ничего не экспортируем, и доля иного экспорта не растет. На рис. 3 видно, что доля других товаров, помимо углеводородов, остается в нашем экспорте практически неизменной на протяжении многих лет.

Источник: Данные МЭРТ

Рис. 3. Структура экспорта товаров из России, %

Каковы шансы на поддержание устойчивого быстрого роста у стран, специализирующихся на экспорте энергоносителей? Мировой спрос на сырье растет более чем в

два раза медленнее, чем мировой ВВП. А мировая торговля, прежде всего несырьевыми товарами и услугами, растет в два быстрее, чем мировой ВВП. Если мы будем экспортировать в основном нефть и газ, то, во-первых, наши рынки не будут расти так быстро, как нам нужно, чтобы обеспечивать 6 – 7% ежегодного роста, а, во-вторых, наш ВВП, скорее всего, будет расти даже медленнее, чем в среднем мировая экономика.

И не случайно в прошлом веке у ведущих стран-экспортеров Ближнего Востока, например, у Кувейта на длительных интервалах времени темпы роста ВВП на душу населения были низкими и в некоторых случаях даже отрицательными. С этой точки зрения, диверсификация экспорта, уход от сырьевой ориентации – это для нас не роскошь, а необходимость, если мы хотим достигнуть к 2020 г. целевых показателей оптимистического сценария.

Чтобы Россия развивалась темпами выше среднемирового значения, в ее экспорте должна возрасти доля обрабатывающих производств и услуг и снизиться доля сырья.

Ключевые условия диверсификации:

1. Создание международных производственных цепочек российскими компаниями.
2. Привлечение прямых иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность и сектор услуг.
3. Развитие бизнес-компетенций, в т.ч. на основе повышения открытости системы образования и рынка труда для квалифицированных специалистов

Для того, чтобы диверсифицировать наш экспорт вверх по цепочкам добавленной стоимости, само собой, без дополнительных целенаправленных усилий, это, скорее всего, не произойдет. Существующая структура нашей экономики такова, что в отличие, например, от Польши или Китая, «автоматическая» диверсификация экспорта будет затруднена, и необходимо активное содействие диверсификации для того, чтобы она шла достаточно быстро.

Привлечение прямых инвестиций является одним из факторов диверсификации российской экономики. Прямые иностранные инвестиции в последнее время у нас растут очень быстро. Но здесь не все так просто. Порядка 70% этих инвестиций по-прежнему идет в энерго сырьевые сектора, и лишь немногим более 1% – в машиностроение. Очевидно, что такая структура прямых иностранных инвестиций мало помогает диверсификации экспорта.

Есть и другие проблемы, с которыми мы сталкиваемся. Россия испытывает отчетливый дефицит компетенций, от которых напрямую зависят возможности диверсификации экспорта в направлении высокотехнологических товаров. Владение бизнесом данной страны современными бизнес-компетенциями необходимо для выхода на глобальные рынки. Чем более развиты такие компетенции, тем выше доля наукоемкой продукции в экспорте страны. В России оба этих показателя находятся на низком уровне. Дефицит бизнес-компетенций, фактически связанный с недостаточным развитием человеческого потенциала в этой сфере, является одним из существенных барьеров на пути диверсификации экспорта.

Есть еще и проблема институтов. Если мы посмотрим, сколько времени отнимает прохождение экспортной сделки на российской таможне, то окажется, что она в два раза длиннее, чем в развитых странах. Если мы посмотрим на то, сколько документов надо оформить на таможне, выяснится, что их в полтора раза больше, чем в большинстве развитых стран. Если мы выясним, сколько стоит экспорт контейнера с товарами

из России за рубеж, то стоимость этого экспорта в три раза выше, чем в странах Организации экономического сотрудничества и развития, то есть в развитых странах.

И поскольку все эти проблемы, так или иначе, выводят нас на проблему институционального развития России, то теперь хотелось бы остановиться на оценке того, каким образом наши институты, в широком смысле этого слова, будут помогать или препятствовать ускоренному росту до 2020 г.

Уровень развития институтов в большинстве стран тесно связан с уровнем ВВП на душу населения. В слаборазвитых странах преобладают в основном недемократические режимы. В странах с ВВП на душу населения выше 20 тыс.долл. (на этот уровень Россия при хорошем стечении обстоятельств может выйти к 2020 г.) уровень развития демократии ниже максимального. В слаборазвитых странах правительства, также в основном, малоэффективны. По мере повышения уровня развития эффективность правительства возрастает. То же самое касается уровня коррупции. Слаборазвитые страны очень коррумпированы, высокоразвитые страны, как правило, низкокоррумпированны.

Исходя из расчета страновых рисков, инвесторы с международных финансовых рынков принимают решение, вкладывать деньги в данную страну или нет. Здесь существует точка перелома. Очень высоки риски в странах с ВВП на душу населения до 9 тыс. долларов, относительно низки риски для более развитых стран, совсем низкие в самых развитых странах. Россия эту точку перелома уже прошла, причем совсем недавно, и ее инвестиционные рейтинги начала быстро возрастать, а инвесторы начинают активно вкладывать деньги в российскую экономику.

Что будет, если все эти закономерности мы попытаемся спроецировать на будущее? Мы построили с помощью модели эндогенного роста долгосрочный прогноз развития большинства стран мира на период до 2030 г. и попытались оценить, какие институты будут соответствовать уровню развития рассматриваемых стран в 2030 г.

В целом мировой уровень институционального развития по мере экономического роста, скорее всего, будет возрастать, причем довольно заметно, потому что многие развивающиеся страны приблизятся к уровню среднеразвитых и, может быть, станут даже высокоразвитыми странами. Их институциональные показатели в процессе развития, скорее всего, улучшатся.

Если мы посмотрим на страны с переходной экономикой за последние 15 лет, статистика показывает то же самое. Казалось бы, все очень хорошо. Что может быть проще: мы говорим о том, что России надо развивать свои институты, и если мы будем их развивать в ближайшее время и проводить реформы, то, скорее всего, у нас не будет препятствий на пути экономического роста, и он будет быстрым. Но реальный процесс развития оказывается гораздо сложнее, чем простые линейные, механистические экстраполяции.

Почему сложнее? Одна из проблем состоит в том, что в последние годы в России по многим направлениям происходило не улучшение, а ухудшение институтов. Вторая проблема отчетливо видна на примере стран Латинской Америки и Восточной Азии. Эти страны провели большое число реформ и успели создать много весьма современных рыночных институтов в самых разных областях. Многие из этих стран действительно находятся на неплохом счету по уровню развития экономических и социальных институтов. Однако, в странах Восточной Азии в реальности происходит совершенно не то, что вытекало бы из рассмотренных выше тенденций мирового развития.

Возьмем, например, правовое государство, право собственности. Правительство периодически игнорирует правовые нормы и нарушает законы, которые само устанавливает. Это нормальная ситуация для Китая и для многих других стран догоняющего развития Восточной Азии. В принципе, в Китае закон о частной собственности был принят в 2007г. До этого там как такового законодательного закрепления права частной собственности не существовало, но худо-бедно она как-то развивалась.

Многие другие институциональные аксиомы тоже не очень хорошо реализуются. Например, организация производства, предполагающая, что должна быть конкуренция. Как правило, в этих странах существует горизонтальная и вертикальная интеграция с высокой степенью монополизации. Если мы посмотрим на государственную собственность, классическая мудрость говорит, что в производственной сфере государственной собственности должно быть как можно меньше. В этих же странах, особенно в сырьевых секторах, государственная собственность преобладает. В Китае же во многих секторах развивалась так называемая «пограничная приватизация», когда частному инвестору позволяли софинансировать развитие государственного предприятия. При этом права собственности и инвестиции в традиционном понимании не были разграничены, и по сути дела было непонятно, что кому принадлежит. Тем не менее, согласно некоторым исследованиям, такие форматы в Китае не только были распространены, но и отличались сравнительно высокой микроэкономической эффективностью.

В то же время, среднегодовые темпы роста стран Латинской Америки, несмотря на впечатляющие успехи институциональных реформ, находились практически на нулевом уровне, начиная с 1980 г. и до начала текущего десятилетия. Темпы роста в странах Восточной Азии, напротив, были самыми высокими в мире, несмотря на то, что многие важные рыночные институты у них недостаточно развиты. Если мы посмотрим на Центральную и Восточную Европу и СНГ, то увидим похожую ситуацию. По многим показателям институционального развития наши соседи из Центральной и Восточной Европы являются намного более успешными, чем страны СНГ. Но средние темпы роста в странах СНГ в последние годы заметно превосходят темпы роста в Центральной и Восточной Европе.

Таким образом, многое в институциональной сфере выглядит неоднозначно, и это как раз вопрос, ответ на который очень важен для того, чтобы понять, что станет с Россией к 2020 г. Попытка ответить на этот вопрос приводит нас к следующим существенным выводам.

Нестандартные институты, которые не соответствуют рыночному идеалу, на самом деле, как показывает опыт Восточной Азии, а в последние годы и опыт СНГ, неплохо обеспечивают экономический рост в период, когда страна имеет потенциал догоняющего развития, т.е. когда развитие во многих отраслях происходит на основе технологических заимствований и инвестиций из-за рубежа, и когда страна еще не достигла мировой технологической границы, вблизи которой она вынуждена будет переходить к развитию во многом за счет внутренних инноваций.

Но эти нестандартные институты развития перестают работать в процессе приближения страны к мировой технологической границе. Если мы посмотрим на Японию, то 20 лет назад казалось, что быстрое ее развитие ничто не сможет остановить. Но когда японская экономика действительно утратила возможность развиваться за счет заимствований извне, когда ее предприятия вышли на мировую технологическую границу, а она сама – на стадию постиндустриального развития, выяснилось, что ее замечательные традиционные, немодернизированные институты всерьез и надолго останови-

ли экономический рост. Япония – это пример тотального кризиса, связанного с неэффективностью нетрадиционных институтов для стран на стадии постиндустриального развития и вблизи мировой технологической границы. И это показывает, что без модернизации таких институтов в соответствии с требованиями развитых стран успешное развитие на постиндустриальной стадии оказывается практически невозможным.

Корея в последние годы демонстрирует другой пример. Как только Корея столкнулась с похожими ограничениями, как Япония, первое, что в Корее начали делать – модернизировать свою систему, сильно изменив политическую систему, принципиально изменив ситуацию в финансовом секторе. С точки зрения благоприятности условий и конкурентной среды для малого бизнеса, Южная Корея сейчас по последним рейтингам – одна из самых продвинутых стран в мире, там очень быстро реализуют институциональные реформы и, в отличие от Японии, смогли избежать резкого замедления темпов роста в процессе вступления в стадию постиндустриального развития.

Можно перечислить некоторые из причин, ведущих к возрастанию роли институтов по мере приближения к фазе постиндустриального развития и исчерпания потенциала догоняющего развития:

- постиндустриальные сектора экономики отличаются повышенной чувствительностью к сложности и качеству государственного регулирования;
- усложняется система контрактных прав и прав собственности, поскольку в ней повышенную роль начинают играть вопросы защиты информации и регулирования сложных финансовых рынков;
- усложняются задачи в области развития человеческого потенциала в связи с развитием компетенций и расширением их разнообразия;
- возрастает спрос на услуги, связанные с обеспечением качества жизни, включая личную безопасность, охрану окружающей среды, доступ к информации; поскольку многие из этих услуг должны быть приближены к потребителю, это, в частности, предполагает опережающее развитие местного самоуправления и повышение его доли в бюджетных ресурсах;
- усиливается спрос со стороны населения, бизнеса и структур гражданского общества на диалог и взаимодействие с государством в процессе исполнения государственных функций.

Таким образом, если мы попытаемся применить это к тому, что может случиться с Россией в период до 2020 г., то можно сказать следующее. Если у нас в экономике и есть значительный потенциал долгосрочного развития, то многие институты из рук вон плохи. Мы находимся на уровне 25% наименее развитых стран мира по многим показателям качества государства, характеризующим уровень коррупции, состояние государственного регулирования экономики, эффективность защиты прав собственности. Достигнуть постиндустриальной стадии развития с такими отсталыми институтами практически невозможно. По крайней мере, ни одной стране в мире это еще не удалось.

Но, несмотря на это, у нас еще есть некоторый, хотя может быть и очень небольшой, потенциал догоняющего развития, который может быть реализован без радикального улучшения положения в институциональной сфере.

Давайте посмотрим, каков потенциал догоняющего развития. Результаты весьма удручающи. Во многих отраслях производительность составляет менее 10% от уровня США. В некоторых областях мы уже близки к мировой технологической границе, но такие сферы еще слишком малы, чтобы в строгом смысле считаться отдельными отраслями, а их число можно пересчитать по пальцам одной руки. Во всех других областях у

нас есть большой потенциал роста на основе технологических заимствований, в том числе на основе прямых иностранных инвестиций. Во многих отраслях наши технологии и производительность отстают в десятки раз от мировой границы. И если смотреть глазами инвестора, где потенциал роста, где больше рост? Они там, где мы ближе к нулю. Туда инвестор и будет вкладывать, где у нас есть возможность одним махом в 6-10 раз увеличить производительность. Это происходит сплошь и рядом на предприятиях с иностранными инвестициями. Иностранный инвестор может и не пойти, скажем, в авиационную промышленность, потому что там потенциал роста связан с нашими институтами, с гибкостью нашего рынка инноваций, развитой инфраструктурой инноваций, у нас с этим сейчас все не слишком хорошо. И нам еще долго-долго придется улучшать ситуацию, прежде чем инновационные механизмы заработают так, как это происходит в «Силиконовой долине» США. А вот там, где можно просто купить новое оборудование и увеличить производительность в 10 раз, туда инвестор точно пойдет. В этом и есть смысл догоняющего развития, именно поэтому мы развиваемся в ближайшие пять лет такими темпами. Только по той причине, что отправная точка у нас – отстающие отрасли с низкой производительностью. По мере того, как все эти отрасли будут отдаляться от нуля, приближаться к мировой технологической границе, вот тогда и начинаются проблемы, потому что тогда инвестор десять раз подумает, прежде чем вкладывать деньги в эти отрасли. Он должен быть уверен, что если это инновации, то у нас есть все необходимое для их успешной коммерциализации: венчурные фонды, страховые рынки, что у нас защищена интеллектуальная собственность, что у нас эффективные рынки сбыта, что государство не будет вмешиваться в исследования и разработки, например, препятствовать их коммерческому использованию из соображений обороны и безопасности, и т.д. Все это очень непростые вещи, и без глубоких институциональных реформ такое развитие в принципе невозможно. А вот просто вложить деньги в швейное предприятие и в шесть раз повысить производительность – это просто, это элементарный акт. Именно поэтому мы сейчас идем легким путем, как долгое время шла Южная Корея, как идут Китай и Вьетнам сейчас. Это самый простой путь, он не требует первоклассных институтов. Вложил деньги – сразу получил отдачу.

Высокий уровень макроэкономической стабильности, высокие цены на нефть и минимально терпимое состояние базовых экономических институтов позволят российской экономике еще несколько лет развиваться быстрыми темпами без ускорения институциональных реформ. Но рано или поздно возникнет вопрос об исчерпании потенциала такого роста и о необходимости проведения масштабных институциональных реформ.

Таким образом, вопрос о модернизации институтов может в полный рост возникнуть уже в ближайшие годы. Это тем более вероятно в случае снижения мировых цен на энергоносители, которое неизбежно приведет к ослаблению традиционных факторов инвестиционной привлекательности российской экономики, связанных с природными ресурсами и с относительно высоким уровнем макроэкономической устойчивости.

Основы относительной устойчивости нашей политической системы сегодня, на наш взгляд, заключаются не в том, что используются какие-то жесткие механизмы принуждения или запугивания, а в быстром экономическом росте, который создает ситуацию выигрыша для подавляющего большинства населения страны. Ведь достигнутый уровень жизни подавляющего большинства населения России является самым высоким за всю тысячелетнюю историю нашей страны, равно как и темпы повышения

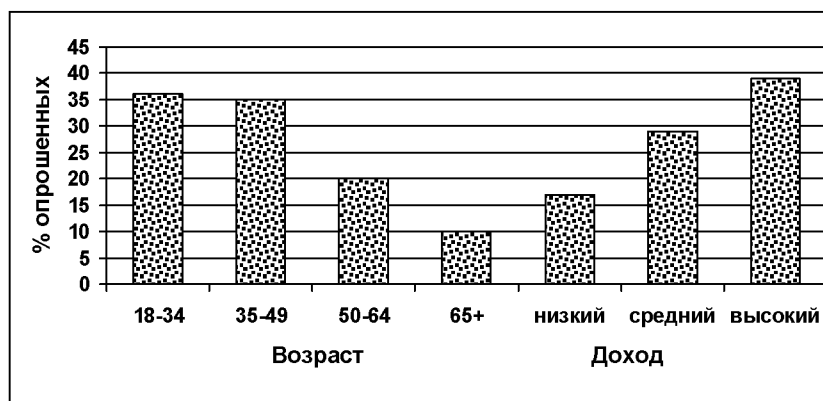
уровня жизни в течение последних восьми лет. Именно в этом заключается главная причина той широкой поддержки, которой сегодня пользуется власть, и главный источник силы сложившейся системы. В сценарии с отсутствием реформ быстрый рост продолжается недолго – примерно до 2012 г. В этот период он гарантирован или почти гарантирован, а вот дальше – отнюдь нет. По нашему мнению, это сегодняшнее равновесие с безразличием к институциональным реформам имеет вполне конечные горизонты, которые хорошо просматриваются на примере трех долгосрочных сценариев, о которых шла речь.

Существует гипотеза, подробно раскрытая в знаменитой книге Рональда Ингельхарта, который базировал свои исследования на четырех раундах всемирного обследования ценностей. Это обследование, как утверждают его инициаторы, репрезентативно для по меньшей мере 80% населения земного шара. Его результаты свидетельствуют о том, что в процессе превращения стран в развитые постиндустриальные страны происходит быстрая конвергенция ценностей граждан этих стран, независимо от того, какие религии они исповедовали и каков был культурный уровень. У граждан этих стран усиливается сходство во многих ценностных ориентациях, в том числе в отношении к индивидуальным свободам и самовыражению, к религии, к институтам государства, в восприимчивости к коррупции и многому другому. Они меняются в сторону современных исторически возникших первых развитых постиндустриальных стран. Если мы посмотрим на ценности в России по результатам недавнего обследования Банка реконструкции и развития, то можно предположить, что у нас тоже будут происходить похожие изменения.

Анализ отношения российских респондентов в этом обследовании (рис. 4) к рынку в зависимости от возраста и уровня жизни показывает, что среди граждан в возрасте до 49 лет доля положительно относящихся к рынку гораздо выше, чем в возрасте 50-64 года.

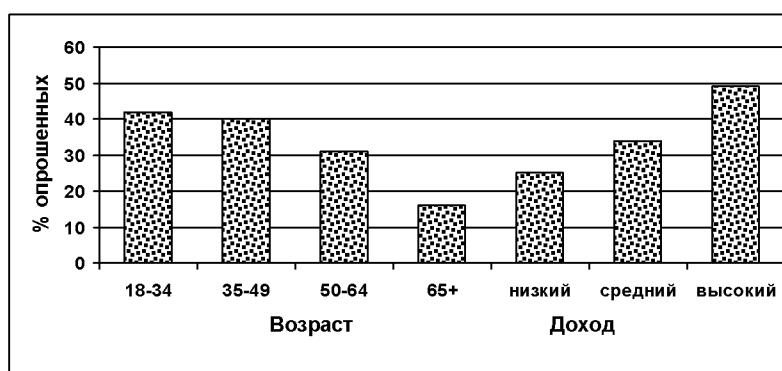
Выше она и у лиц со средними и высокими доходами по сравнению с теми, чьи доходы являются низкими. Соответственно, по мере естественной смены поколений и увеличения доходов в процессе экономического роста доля россиян, поддерживающих рынок, тоже, скорее всего, будет возрастать.

Аналогичная картина прослеживается и в отношении к демократии (рис. 5). Для граждан молодых возрастов и граждан со средними и высокими доходами характерен более высокий уровень поддержки ценностей демократического общества, чем для пожилых и граждан с низкими доходами. И если эти межпоколенческие сдвиги и экономический рост будут продолжаться, то мы можем ожидать, что в течение 10 – 15 лет ценности тоже довольно сильно изменятся, и тогда общество, прежде всего средний класс, который достигнет 50% населения, будет формировать гораздо более высокие запросы на модернизацию институтов.

Источник: EBRD

Рис. 4. Отношение к рынку в зависимости от возраста и дохода, % от общего числа респондентов

Источник: EBRD

Рис. 5. Отношение к демократии в зависимости от возраста и дохода, % от общего числа респондентов

Эти данные, как минимум, косвенно свидетельствуют о том, что ценности в нашей стране будут приближаться к ценностям, характерным для развитых стран. Но может получиться так, что если не будет качественного улучшения в состоянии наших общественных институтов, то и рост тоже замедлится, не будет ни развития, ни роста.

Нет оснований полагать, что в ближайшие несколько лет именно недостаточное развитие гражданского общества в России остановит экономический рост. Но в период вхождения в стадию постиндустриального развития определенные типы институтов гражданского общества, как правило, усиливают свое влияние. Если страна оказывается неспособной создать сильные, влиятельные институты гражданского общества, она, скорее всего, не становится постиндустриальной, потому что одно без другого пока в мире не наблюдается. Все постиндустриальные страны имеют развитые, но вместе с тем довольно специфические институты гражданского общества.

Дело в том, что согласно исследованиям того же Ингельхарта, а также ряда других ученых, определенный тип институтов гражданского общества по мере приближения к постиндустриальному развитию утрачивает свое влияние. Это так называемые традиционные индустриальные или доиндустриальные институты, например, религи-

озные организации, политические партии, профсоюзы. Эти организации по мере развития постиндустриальных обществ не усиливаются, а, наоборот, ослабевают. В частности, обследование ценностей свидетельствует о том, что популярность религии и религиозных организаций в большинстве развитых стран снижается, профсоюзы уже не имеют столь серьезного влияния, как 30-40 лет назад, а политические партии и государственные институты теряют доверие. Но при этом в тех же самых странах наблюдается довольно быстрый рост социального капитала в децентрализованных, неиерархических структурах гражданского общества, которые, как правило, являются не очень большими, компактными и объединяют вокруг себя узкие группы людей с общими интересами. Эти институты в постиндустриальном обществе развиваются особенно быстро. Согласно многим социологическим исследованиям, именно они приобретают все большее влияние. И если в России в долгосрочной перспективе этого не будет происходить, то, как минимум, это будет симптомом того, что что-то у нас не ладится и с другими институтами. Это будет служить косвенным признаком замедления модернизации и свидетельством того, что нам трудно перешагнуть через порог, который отделяет индустриальное общество от постиндустриального.

А что касается того, что делать, с чего начать, то есть масса сценариев, написанных для разных органов власти, для разных политических условий. У политиков по каждому направлению реформ есть подробные алгоритмы, и проблема только в их готовности действовать. Пока в экономике хорошая ситуация и рост продолжается без институциональных реформ, у политиков просто мало стимулов, чтобы их проводить. Когда рост остановится, скорее всего, стимулы появятся, тогда все эти алгоритмы понемногу начнут работать.